

Среди спектаклей, которые Большой театр с огромным успехом показал на гастролях в Америке, был балет С. Прокофьева «Каменный цветок», недавно поставленный молодым балетмейстером Ю. Григоровичем. Уже самый факт, что вместе с прославленными «Жизелью», «Лебединым озером», «Ромео и Джульеттой» театр взял на гастрольную работу молодого художника, говорит о многом. Чем же привлекателен «Каменный цветок»?

Ю. Григорович создал не только хороший спектакль. Он вспомнил несколько совершенно очевидных и простых, но за последнее время полузабытых истин. «Вспомнил», что самое выразительное в балете — танец, а не бытовая игра, пантомима. «Вспомнил», что балет — это сама природа своей — это искусство обобщения, поэтизации действительности. «Вспомнил», что декорации и костюмы должны помогать танцу, а не давить его своей пышностью, громоздкостью, обстоятельным «бытописанием». И создал балет поэтический, утверждающий стихию музыки и танца.

В основу «Каменного цветка» положены уральские сказки П. Бажова. А в них реальное причудливо переплетено со сказочным, фантастическим. Таинственная и в то же время лирически-проникновенная музыка Прокофьева еще сильнее «растворяет» элементы быта в поэтической стихии. Реальный мир возникает в ней, как бы увиденный глазами художника, народного мастера и умельца Данилы.

Следуя за таким замыслом, балетмейстер, например, не изображает на сцене ярмарку во всех ее бытовых подробностях, а дает танцевально-поэтический образ ярмарки; причудливо сплетенные лихие уральские, цыганские пляски создают образ какой-то стремительной, бешеной, пестрой танцевальной карусели, которая и оставляет ощущение бесшабашного разгульного веселья.

А в картине помолвки Данилы и Катерины нет никаких жанровых штрихов — этих вечно подгулявших сватов, дородных молодых, опьяневших, всклокоченных гуляк, но зато в танце есть и грусть прощания с девичеством, и трепетное, чуть боязливое ожидание счастья, и строгость целомудренного обряда.

Одним словом, есть поэтическая атмосфера, настроение, а это в балете важнее самых достоверных бытовых деталей.

Ю. Григорович добивается в этом спектакле редкой цельности, законченности, верности единому замыслу. Создается впечатление, что нет ни одного звука в оркестре, ни одного движения в танце, ни одного красочного пятна в декорациях, которые нарушали бы это единство.

С. Вирсаладзе выступает здесь как художник, словно призванный для того, чтобы облекать балет и танец в воздушные, прекрасные одежды. В его оформлении все для танца, во имя танца. Он оставляет незакрытым весь огромный пол, планшет сцены Большого театра. Оказывается, что это замечательно красиво, потому что дает ощущение простора, свободы для полета, для прыжков, для вихревых вращений.

Совсем в глубине сцены — огромная зеленая, иногда темная, иногда словно прозрачная малахитовая шкатулка. В ней возникают обозначения места действия — лес, изба, ярмарка... Это похоже на то, как художник, вглядываясь в поверхность малахита, начинает видеть в гранях, прожилках, пятнах и разветвлениях камня очертания гор, деревьев, домов. Художник создал замечательные костюмы, сделав национальную русскую одежду «балетной».

Даже смятение толпы на ярмарке при появлении Хозяйки Медной Горы не только играется, но прежде всего танцуется. Испуганная ярмарочная толпа словно превращается в одно существо, в одно тело, то вздрагивающее, то замирающее, то в страхе шарахающееся назад, то в порыве жгучего любопытства устремляющееся вслед за Хозяйкой Медной Горы.

А в фантастических сценах подземного царства «колючие», острые, ломкие линии четких групп и танцевальных композиций создают впечатление сверкающих граней, блеска драгоценных кристаллов. Точно так же образно и прежде всего танцевально охарактеризованы все персонажи балета. (Мы видели один, так называемый молодежный состав исполнителей).

Партия Данилы построена на сильных полетных движениях, прыжках, и это верно, так как дает ощущение крылатой, порывистой души художника. Молодой артист В. Васильев танцует с таким самозабвенным увлечением, так легко и смело преодолевает огромные технические трудности партии, что ему удается передать в танце образ вдохновенной юности. В образе невесты Данилы — Катерины балетмейстер тоже избегает излишнего «приземления», обыденности. Рисуя чистый облик девушки, он сочетает возвышенные средства классического танца с мягкой плавностью движений русской женской пляски. Юная танцовщица Е. Максимова вносит в прозрачный рисунок партии непосредственность, наивную, почти детскую чистоту.

С очень сложной задачей столкнулась Н. Тимофеева, исполняющая трудную и необычную партию Хозяйки Медной Горы. Чередование гибких, острых, прихотливых поворотов с внезапными резкими остановками, паузами создает впечатление какого-то калейдоскопа превращений, изменений, преобразований. Фантастичность, двуликость образа (ящерка и женщина) выражены в танце. Она то прильнет к Даниле движением человечески-женственным, то вдруг обовьется вокруг его тела каким-то змеиным изгибом, то доверчиво протянет к нему руки, то вдруг мелькнет и ускользнет, словно быстрая, неуловимая ящерка.

Сказочной обобщенности ищет постановщик и в таком, казалось бы, бытовом образе, как приказчик Северьян. У него почти все время полусогнутые колени, словно он вот-вот пустится в отчаянную присядку вокруг Катерины, издеваясь, измываясь над ее горем. Он подбирается, подкрадывается к своей жертве, стелется, вьется вокруг нее, как бы гипнотизируя своими зловец-издевательскими плясовыми движениями. В Левашеве интересно интерпретирует роль, внося в нее элемент какого-то ханжества, истовости, внешнего благообразия. Кажется, что его Северьян богомолен, что в его разбойничьей душе живет страх — не перед людьми, а перед возмездием свыше.

Молодые исполнители, захваченные подлинно танцевальной стихией спектакля, прониклись его высокой культурой и выполняют свои задачи увлеченно. Свообразие и новизна балета «Каменный цветок» объясняются тем, что балетмейстер Ю. Григорович стремится во всем следовать требованиям музыкальной драматургии. В музыке С. Прокофьева возникает причудливый и прекрасный мир, в ней как бы воплощено желание постигнуть и запечатлеть вечно изменчивую, ускользающую, неуловимую красоту природы.

Сложность акробатически трудных движений, певучие, широкие линии русской пляски у Григоровича объединены и облагорожены строгостью классического танца, словно каким-то дыханием спокойной, мудрой гармонии.

И в этом опять-таки соответствие замыслу композитора, мысль о том, что по-иски, метания, противоречия в конце концов ведут художника к гармонии и совершенству прекрасных и простых форм в искусстве.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

□ □
Сцена из балета Сергея Прокофьева «Каменный цветок». На снимке: Катерина — артистка Е. Максимова, Данила — артист В. Васильев.

Фото А. Батанова. (ТАСС).

